

Серия «Бессмертный полк»

АЛЕКСАНДР ЩЕРБАКОВ-ИЖЕВСКИЙ

УЛЫБКА
БОГА

Александр Щербаков-Ижевский

**Улыбка бога. Серия
«Бессмертный полк»**

«Издательские решения»

Щербаков-Ижевский А.

Улыбка бога. Серия «Бессмертный полк» / А. Щербаков-Ижевский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850614-7

Кто мог подумать, что здесь разыграется человеческая трагедия вселенского масштаба. И не где-то далеко, а перед глазами, воняющая тяжёлым духом «излучина смерти». Боевым товарищам как воздух, как жизнь нужна огневая поддержка миномётной роты. Варит котелок, или в отстой лобастый бубен послать, всё одна хрень для пули дуры. Цвиркнет и не уведомит, когда снесёт полбашки. В глазах возникают яркие полукружия: красные, оранжевые, жёлтые, зелёные, голубые, а жгучее, пузырящееся стекло прямо на траву.

ISBN 978-5-44-850614-7

© Щербаков-Ижевский А.
© Издательские решения

Улыбка бога

Серия «Бессмертный полк»

Александр Щербаков-Ижевский

*Светлой памяти моего отца Ивана Петровича Щербакова
(28.10.23 – 10.06.64) посвящаю...*

*Вечный ореол бессмертия и лавры победителей героям Великой
Отечественной войны!*

Редактор Анна Леонидовна Павлова

Корректор Игорь Иванович Рысаев

Дизайнер обложки Александр Иванович Щербаков

© Александр Щербаков-Ижевский, 2017

© Александр Иванович Щербаков, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-0614-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бой был кровопролитным, жертвенным и безысходным. Но приказ мы не выполнили.

Мой 14-й гвардейский стрелковый полк в полном составе лежал возле ног. А немец, как был на своих позициях, так и отдыхает там.

По глади реки издалека слышны стукотня и бряканье их полевой кухни. Послеобеденный ланч у них.

Шоколад баварский, тушёнка с гречневым сухпайком. Кофе пьют победители. Играют на губной гармонике.

А наши-то все здесь. На очереди в братский погребальник. В сыру землю.

Накануне прошли дожди. Середина лета. Солнцепёк далеко за плюс тридцать.

У реки Полисть, что в Новгородских болотах влажность более девяноста процентов. Прямо из воздуха сочится водяная пыль, превращаясь у земли в обильную крупную росу.

Июль. Жара, мочи нет. Абсолютное штилевое безветрие.

Сама речонка Полисть неспешно и плавно несёт свои мутные воды в сторону Старой Руссы. Вдоль самой речушки стелется совсем не широкая полоска земли. Извилистая ленточка божьей тверди шириною от тридцати до ста метров.

Именно на этом месте, прямо вдоль реки обрели покой и встретили свой смертный час мои ратные соратники.

Кто бы мог подумать, что не иначе, как здесь разыграется человеческая трагедия вселенского масштаба. И не где-то далеко, а перед глазами, воняющая тяжёлым духом «излучина смерти».

Людам, не побывавшим на поле боя трудно представить перед собой истинную картину побоища. Воочию наблюдать гробовое пристанище смерти.

Однако вот и он, солдатский погост на излучине реки после кровавого противостояния.

Под летним палящим солнцем смертью пахнущее, смрадное месиво. Сплошная винегретная мешанина из тысяч протухших человеческих тел покрытых трупными червями. Черные фигуры, раздутые до размера бочки. Дурно пахнущее, зловонное крошево, обсыпанное миллионами жужжащих, зелёных и сытых жирных падальных мух.

Вся территория хорошо просматривается и простреливается немцами. Справа река, слева болото, впереди враг. Ни миновать, ни обойти «излучину смерти» нет никакой возможности.

Именно где-то там, впереди за пирамидами вонючих трупов пластаются ещё оставшиеся в живых наши друзья. Непокорённые боевые товарищи.

Среди атакующих бойцов и наш корректировщик, ефрейтор из второго взвода балагур и весельчак, любимец санбатовских девок Стасик Кулёмин. Жив он или нет уже, неизвестно. Но, кто-то же отстреливается на «передке» от наседающих фашистов?

Если он всё-таки убит, то его место предстоит занять мне.

Но прямо до него по грудам смердящих мертвецов проложен телефонный кабель. Он перебит. И его во что бы то ни стало, как можно быстрее надо соединить.

Боевым товарищам как воздух, как жизнь нужна огневая поддержка нашей миномётной роты. А без связи никак нельзя. При миномётном обстреле противника на переднем крае огнём можно зацепить и своих бойцов.

В горячке боя, нередко бывало, и такое.

Чтобы выполнить приказ мне надо ползти по лишённым жизни мёртвым телам. Прямо-хонько по распадающейся и перегнивающей мертвечине. По боевым товарищам, а сейчас дохлакам бездыханным.

С ужасом и отчаянием оглядываюсь.

Одни мертвецы.

Гниющие, распухшие туши местами навалены в три слоя.

Разложившиеся и вздутые истлевающие человеческие фрагменты кишат червями.

Испускают тошнотворный сладковатый трупный запах.

Распадаются в биомассу.

Мерзко воняют.

Этот смрад тухлятины, неподвижное зловоние нависло над всей «излучиной смерти». Сил никаких нет осознать, прикасаться, ощущать нагноившийся запах. Страшно своим нутром почувствовать неприкрытую разлагающуюся мерзость смерти.

А, вдруг, череда и мне дойдёт представиться? Тогда грош цена моей душеньке, растворится тело без остатка.

Но, как бы то ни было моему продвижению вперёд мешают людские клочья, отрубленные осколками конечности. Приходится отталкивать, отшвыривать и отпихивать в сторону плоть убиенных бойцов, бывших фронтовых друзей-приятелей.

А как же иначе я смогу подготовить свободный пяточок для очередного рывка? Бросок у меня должен быть неожиданным для фашистов. Резким и быстрым.

Если возюкаться, тремором дрочиться то это будет полный абзац. Кранты будут моим стараниям.

При таком раскладе лучше не начинать пахнущую смертью попытку.

Разрыв мины загоняет меня под трупы.

Почва содрогается.

Смердящие тела сваливаются на спину, осыпая червями.

В лицо и ноздри бьёт фонтан тлетворного тяжёлого духа. От чудовищного гнилого зловония хочется очистить легкие и вздохнуть поглубже, полной грудью. Однако, не дышится всей диафрагмой.

Липко и мерзко.

Но поблизости оглушающе грохнуло!

Над головой осколками провизжали тысячи смертей, облачённых в стальную одежду.

Фы-фы-фыр-р-р-р... Фыр-р-р... Фыр-р-р... Фыр-фыр-фыр...

В этот раз, вроде бы, пролетели мимо. Надолго ли счастье привалило?

Со мной случилась небольшая контузия, поэтому невольно пришлось открыть рот.

И, вдруг, снова взрыв!

Ударной волной в лицо наотмашь хлестнуло жаром от вспышки и детонации. А прямо в глотку за язык забросило пригоршню червей.

Гладкие, белые, хрустящие гусеницы!

Противные, безвкусные личинки опарышей заполнили рот и шевелили своими ножками. Мерзопакостно и гадко!

Я с отвращением вытолкнул прилетевший «урожай» языком. Отхаркал прямо в изуродованное лицо нависающего трупа с разрубленными костями черепа и выбитыми глазницами.

Это вятский учитель математики Викентий Палыч.

Из раскрытой сечью, искромсанной черепушки предметника прямо на мои плечи сочится сукровица смеси растекающегося мозга, крови и лимфы.

Как собака встряхиваюсь и шевелю своими промокшими и липкими закорками. Сбрасываю кровавые ошмётки речного ила.

Вот говорят, что умный, не умный мозг. Да, какая разница. Содержимое костяной репы у всех одинаково вонючее и мерзкое.

Варит котелок, или в отстой лобастый бубен послать, всё одна хрень для пули дуры. Цвиркнет и не уведомит, когда снесёт пол-башки.

Мерзопакостную и тошнотворную суспензию приходится соскребать с плеч ногтями. Она быстро пропитала сырую гимнастёрку. И теперь совершенно очевидно, что солдатское рубище будет только мешать мне выполнению поставленной задачи.

Вот только надобно мне поднатужиться и сбросить с себя навалившийся тяжеленный труп взбухшего товарища.

Это красноармеец Славка Паршиков из 1-й роты разлагается на солнце. Слякотный уже стал.

Эх, Славка, Славка... Верный и добрый мой друг...

Скользкий, чертяка!

От его вспухших форм гимнастёрка и портки лопнули по швам. В разрывах одежды видно, как на палящем солнце блестит и плавится человеческий жир. Он словно парафин, затекает в укромные места и капает на низлежащих. Застывает корочкой на кровавых обрубках трупиков.

Куски кожи сползли с его шарообразной головы тёмно-фиолетового цвета. Сквозь оборванные и объеденные червями губы виднеются абсолютно белые, ровные молодые зубы.

Вроде, даже, улыбается мертвец.

Надо же, быстро получилось столкнуться.

Со стороны я выгляжу, наверное, не лучше. Весь в крови и грязевой корке из засохшего болотного киселя.

Чучело болотное.

А между взрывами мин я попытался вскочить, но тут же поскользнулся.

Прямо под ногами растеклась полужидкая масса из внутренностей, кишок и требухи в клочья разорванного боевого напарника желторотика. Это всё, что осталось от новобранца, подносчика мин из третьего взвода рядового Андрейки Суровикина из Удмуртии.

Он сам напросился на задание. Думалось ему, что прогулка выйдет из числа «для храбрых». Движуха за боевой медалью.

Однако вот такая смертельная «боевая заслуга» у него получилась. Ну никак не думал, не гадал о смерти ударник пятилетки.

С безгловостью щепотью снимаю с себя и стряхиваю сгустки крови, брызги мяса, дробь костей, клочья волос, ошмётки кровавого киселя.

Но приказа никто не отменял.

И снова между взрывами ползу вперёд к намеченной цели пока сам живой здоровый.

И так может быть много раз на дню. Туда, сюда. Туда, сюда.

Война не признаёт пограничных состояний и человеческих слабостей. Хочу или не хочу. Боюсь, болею, противно, тошно всё это неважно для исполнения приказа.

Вперёд солдат и точка! «Вперёд, сынок, за Родину!»

Чёрный дым клубится над полем боя.

В июльском знойном воздухе, вдруг, повисла тишина.

Не шумит летний лес.

Не журчит река.

Умолкло всё живое.

Воцарилось молчание.

После миномётных взрывов, беспрестанной трескотни выстрелов в ушах стоит оглушительный звон.

Хоровод колокольчиков звенит в голове беспрестанно.

Хотя вот она, слышите, кукушка за стеной леса на другом берегу.

Тише, тише...

Раз, два, три...

Но это же не мне, это радистке Катюше. Она с утра спрашивала вещую птицу, подкидыша. Интересно, а сколько раз она прокукует мне на свидание, сейчас и воочию

– Кукушка, кукушка, сколько жить мне осталось? – замолчала что-то. Враз примолкла.

Но некогда тут рассусоливать. Сказал же политрук Глазман, что не надо суеверия плодить, тиражировать и домыслами заниматься. Поповские пережитки всё это. Верю, не верю... Тьфу!

Жить должен и приказ выполнить обязан. Кто на «край» полезет, если не я?

Интересно? Взяли мы немецкие траншеи с краешка «излучины смерти»? Или опять всё бесполезно? Неужели впустую распахивались, пестовались и умирали, что даже близко не смогли подойти?

Как так, за что кара небесная? Народу-то сколько положили! Неужели всё понапраслину и вхолостую?

А сколько ещё душ впереди загубим?

Псу под хвост наши бесполезные усилия.

Проще говоря, из рук упустили выгоду.

Отдали мы инициативу врагу.

Прожопили победу.

Кроши не кроши зубами, а одолеть немца пока не получается. Жалко до слёз бессмысленно погибших ребят.

Нет, не видать, мне отсюда из-за груды кровоточащих, смердящих солдатских тел. Эхма, подтянусь, выгляну. Не получается!

Всё равно не угляжу переднюю линию атакующих боевых товарищей. Не видать отсюда заваленный трупами «передок».

Вот отдохну немного посреди нависшей тишины и тронусь дальше. Где быстрыми перебежками, а где с осторожностью. По любому, всякое продвижение вперёд будет приближать меня к заветной цели.

Так и буду пыжиться, надрываться по ненавистной мне, проклятой «излучине смерти».

Конечно, если получится уцелеть и живым вернуться на окаянную исходную позицию нашей миномётной роты.

Над головой опять грохнуло и засвистело.

Ещё жажнуло!

Взрыв!

Придётся залечь.

– Ух-ты, гадство какое! Зараза!

Больно-то, как ударило и в тело воткнулось...

Грудь, ноги, руки обвил тяжеленным серпантинном и рвануло к земле.

Обрушило навзничь.

Ударило так, что я неловко упал на спину.

Затылком уткнулся в мерзко воняющую и развороченную утробу трупа. В ноздри ударил запах человеческих кишок.

В лицо и глаза забросило ошмётки грязи, лоскуты какой-то мерзко воняющей ткани.

В нос шарахнуло острым перегаром от взрыва. Опалило огнём брови, ресницы, волосы.

Мои ноги распоркой упёрлись в катушку с телефонным проводом. Хорошо, что проволокой привязал её к поясу. Это на всякий случай. Для того, чтобы в случае моего убийства по причине смерти ротный не «наезжал» на батальонного старшину хоззвода, нашу палочку-выручалочку и ветерана Егор Степаныча.

«Золотой» человек старшина.

Радостно почему-то стало на душе.

Радуга ко лбу прикоснулась. Хороша, как ангел краса ненаглядная.

Она для меня как улыбка бога. На счастье. Добрый знак!

Вот она с нежностью целует яркое солнце, бескрайнее небо и меня.

Но что это?

В мои ладони опускаются парашютики лёгких, воздушных семян одуванчика. И птицы бесшумно пролетают надо мною.

Странно всё это.

Почему над полем боя летают остроклювые чёрные птицы? Добычу свою высматривают?

Что-то я никак понять не могу, живой я или нет? Гадаю, как маленький. В детстве так же весело и безобидно играли в июльскую полевую белую ромашку

– Выбыл, не выбыл? Живой или не живой?

– Живой, живой, Мишаня. Чего стонешь? Не скули пацан. Сейчас вытащу из-под огня и перекрестишься. Да не ори ты! – это Иван Щербаков, мой ротный.

И как до меня сумел добраться всемогущий старлей?

Он связал моим ремнём ноги у ступней и ползком тащит за собой посреди смердящих тел в сторону крутого обрыва речки.

Гимнастёрка вместе с исподним задралась юбкой и накрыли голову.

Руки мои закинулись за плечи и волочатся следом.

Дышать совсем нечем.

Не вижу, но чувствую, как сапог свалился с правой ноги
– Постой, обожди, ротный! Как же я в атаку да без своей обуви?
Смотри-ка ты, радуга, прекрасная хорошавушка улыбается. Хорошо и уютно с нею.
Может быть, она будет со мною навсегда? По крайней мере, до окончания боя?
Договорились?

Но оглушающий удар грома раскатисто грохнул прямо над головой. Горсть крупного дождя с градом ударила через гимнастёрку в лицо.

Больно-то как

– А-а-а!.. Мамочка-а-а!.. А-а-а!...

– Чего орёшь, Мишка? Не ори! Живой и ладно. Потерпи чуток, братец... Как я без наводчика буду? Мне такой, как ты очень даже нужен в роте... Да не ори ты, крепись.

Ещё чуток осталось. Не страдай браток, держись...

Потерпи малёхо... Не ори только, – ротный, лёжа на спине, ухватился обеими руками за ремень, связывающий мои стопы и волочит непослушную мою плоть.

Он, как может, упирается ногами в рыхлую землю. С силой отталкивается каблуками своих сапог. Из всех сил тянет на себя моё тело.

Временами я утыкаюсь носом в смердящие трупы. Чую зловоние.

Иногда на кротовинах голову закидывает к небу. В глазах возникают и исчезают яркие полукружия: красные, оранжевые, жёлтые, зелёные, голубые...

Но вот, я почувствовал, что сильные и ловкие руки бесцеремонно, рывками сдирают с лица гимнастёрку. Свежий глоток воздуха вскружил голову. Помутившимся взглядом я ухватил краешек нависающего обрыва и пропасть голубого неба над ним.

Да это же наш ездовой Никанорыч нещадно срывает мою рубаху.

А, вот и Щербаков Иван старлей ротный.

Совсем молодой. Ещё и двадцати годков нету.

Снял с головы каску, рукавом пот с лица вытирает, дышит с трудом, прерывисто. Надсадно и устало.

Запыхался.

Он весь забрызган чужой кровью. Потный и грязный.

Вот склонился надо мной. В глаза заглядывает. Тело осматривает. Ощупывает. На переломы и сквозные ранения проверяет

– Зина, Зиновья! Эй, кто там у миномёта? Да зовите быстрее санинструктора! Тащи сюда жгуты и перевязки побольше!

Я, Мишку Седова наводчика из первого взвода с поля боя приволок! – не оборачиваясь, кричит ротный, – скорее давай, пошевеливайся. Двигай сюда.

А вот и Зина появилась.

Торопилась бедняга. Отдышаться не может. Но, что-то не торопится она раскрывать санитарную сумку.

Стоит санинструктор молча. Смотрит на меня.

Эх, Зина, Зина! Как же я один-то справлюсь со своей бедою? Подмогла бы мне чуток

– Поддержи, пожалуйста, сестричка. Подсоби, и протяни руку помощи. Только не списывай меня со счетов. Ну пожалуйста, – а там, глядишь, я бы и сам оклемался, – жить-то, как хочется жить!

Всё своё драгоценное, что есть у меня, отдал бы за счастье жить на земле.

Иван Щербаков тихонько повернул меня со спины на бок. На губах ощущался привкус крови. Из рта что-то жгучее, пузырящееся стекало прямо на траву. Он тихо спросил Зину

– Седов-то наш, что? Очень уж плох? А?.. Ничего... Держись, солдатик. Держись, родной.

Зина вытерла шершавой, неухоженной ладонью капельки крови с моих губ и ушла за край обрыва к своим тяжелораненым.

Показалось мне или нет, но тихий ангел пролетел над краешком обрыва. Ледяное марево пронеслось в июльском раскалённом воздухе.

Помню, далеко-далёко мамочка укрывала меня от ливня холстом ситцевого цветастого платка. Приобняв, целовала в глазки и приговаривала

– Вот будешь у меня защитником... Точно станешь, когда вырастешь и сильным окажешься.

А я защищал вас, как мог, мамочка любимая. Я правда очень, очень старался.

Поверь мне.

Свидетелем тому мой семицветик небесный. Он же всё, всё видел, как я воевал.

А сейчас прикоснись губами к моим глазкам. Прикрой мягонькой, оладушками пахнувшей ладошкой. Улыбнись мне на прощание, мамочка любимая.

Единственная.

Как хочешь, возражай, не соглашайся, сопротивляйся, но пиковка карта на меня указала. Значится пора уже и мне покой узнать.

Не обессудь, если что не так случилось.

Иногда, я поворачивал голову к тёплому июльскому ветерку. Лицу было блаженно, приятно в знойный полдень ощущать прохладу. Перед глазами было огромное пространство и я видел в этой бездне, что хотел: яркое солнце и бескрайнее небо. А милая, нежная и приветливая радуга оказывала своё почтение и звала меня в нескончаемый простор до горизонта.

За прекрасным несбыточным желанием.

За сказочной мечтой детства.

За бессмертием.

Как из тумана доносятся быстрые и резкие команды. Иван Щербаков у нас в Красной Армии с 1941-го года. Ему ли не привыкать

– Лейтенант Салахов, ко мне!

Приказываю сменить корректировщика Кулёмина на крае!

Сдать личные документы, наградные, личный жетон!

Саршина хоззвода Смирнов, выдать сухпаёк на сутки!

Боекомплект по полной!

Федорчук, помоги закрепить лейтенанту катушку на спине. Заправь концы провода, да понадёжнее, чтобы не распутались. Затягивай ремни покрепче. Не слышишь, что ли? Я ска- зал же, сильнее затягивай ремни. Вещмешок на груди примости назад лямками.

Что взводный, присядем на дорожку?..

Ну, всё-всё. С богом, Игорёк. Возвращайся живой. Постарайся, по крайней мере. Вперёд, лейтенант!

Прощай... Прощай, браток.

Смотри-ка, сменил меня товарищ лейтенант.

Стремительно, почти бегом ушёл Салахов Игорь в вечность. Убежала его душа в бессмертие, куда и мне дорога

– До встречи, взводный. Интересно, в каком измерении предстоит встретиться?

А за плечами у него на всю ширину неба от края и до края семицветная прелестница

– Куда, куда ты уходишь, человек?

Зачем тебе это? И кто толкает тебя в безвестность?

Ты же ещё такой молодой, сильный и здоровый.

Тебе ещё рановато ко мне, жил бы да жил себе, деток растил, – прошептала тихонечко на ушко лапушка Радуга.

Собрав все, все силы так хотелось гаркнуть со всей моченьки, бросить клич, позвать боевых товарищей, чтобы не выпускали мою жизнь из человеческого бытия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.